

Война в мире, где правды больше не существует УРОКИ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 471

Апрель 2017 г.

Юрий Жуков¹

Мичиганский университет

В отчете американского разведывательного сообщества от 6 января о российском вмешательстве в американские президентские выборы 2016 года подчеркивается роль российских СМИ в распространении сфабрикованной информации и утечек из конфиденциальных источников с целью манипулирования общественным мнением. Хотя мало кто из американцев узнает о последних новостях напрямую из российских источников, сложно отрицать, что в результате такого вмешательства перед американскими журналистами и политиками теперь стоит задача восстановления доверия американцев к средствам массовой информации. На самом деле общество уже не в первый раз сталкивается с задачей противодействия тенденциозной и сфабрикованной информации, подаваемой в прессе.

Украина находится в состоянии настоящей информационной войны против российской пропаганды с 2014 года, когда Россия аннексировала Крым и начала оказывать поддержку сепаратистам на востоке Украины. Особых успехов в этой войне Украина пока не добилась. Вместо того, чтобы помочь аудитории установить факты, украинская реакция на российскую пропаганду сделала поиск истины еще более сложной задачей – особенно в том, что касается информации о конфликте на Донбассе. Более того, вполне вероятно, что эта реакция еще дальше отодвинула разрешение конфликта.

Гарвардский политолог Мэтью Баум и автор данной статьи провели параллельный анализ нескольких десятков тысяч сообщений о последних событиях, поступивших из российских и украинских источников, от сепаратистов на востоке Украины и от третьих сторон. Мы попытались установить, насколько разную картину стратегического взаимодействия между сторонами конфликта рисовали сообщения из разных источников, и насколько эти сообщения различались в плане предположительных причин, места и времени вооруженных столкновений.

Нам удалось установить, что информационная война имеет мощнейшее влияние на формируемое у аудитории представление о природе вооруженного конфликта – и особенно о том, на какой из сторон в наибольшей степени лежит ответственность за продолжение насилия.

¹ [Юрий Жуков](#) – доцент кафедры политологии Мичиганского университета.

Если верить украинским источникам, то сепаратисты намного чаще, чем украинские войска, прибегают к использованию вооруженной силы, убивают мирных жителей и нарушают договоренности о прекращении огня. Если верить российским источникам и самим сепаратистам, то ситуация диаметрально противоположная. При этом и из украинских, и из сепаратистских источников вырисовывается картина более частых и масштабных инцидентов насилия, чем из сообщений третьих сторон (например, ОБСЕ).

Кроме того, в зависимости от источника сообщения, вырисовывается разная картина относительно поведения сторон в ходе конфликта, прочности договоренностей о прекращении огня, необходимости в санкциях или вмешательстве в конфликт третьих сторон, и о предпочтительности вмешательства нейтральным образом либо в поддержку одной из сторон.

Предыстория украинской информационной войны

До того, как Евромайдан положил конец правлению Виктора Януковича в феврале 2014 года, российские СМИ имели мощнейшее присутствие в Украине – особенно в Крыму и на юго-востоке страны. В западных СМИ Евромайдан представлялся в основном как мирный протест, столкнувшийся с насилием со стороны украинской полиции и бандитов, нанятых властью. В российских же медиа основное внимание уделялось таким эпизодам, как забрасывание полицейских кордонов коктейлями Молотова, и попыткам националистов взять штурмом украинский парламент. Обе этих телевизионных картинки отвечали действительности в узком смысле этого слова, но полного и точного представления о том, что на самом деле происходит, они аудитории не давали. При этом российский взгляд на события в Киеве формировал представление об этих событиях у противников Евромайдана в Крыму и на юго-востоке Украины, которые в самом Евромайдане усматривали «спонсируемый Западом государственный переворот», а лидеров протестующих называли не иначе как «фашистская хунта».

Новая украинская власть была крайне обеспокоена способностью российских СМИ мобилизовать противников Евромайдана в Украине и предприняла ряд превентивных шагов. В марте 2014 года, после того, как прозвучали первые выстрелы конфликта на востоке, Киев запретил трансляцию российских государственных телеканалов в украинских кабельных сетях. Еще через несколько месяцев новое украинское правительство запретило показ по украинским телеканалам многих российских фильмов и телепрограмм, а некоторым российским журналистам был закрыт въезд в страну. В декабре 2014 года в Украине было создано Министерство информационной политики, перед которым была поставлена задача защищать украинцев от «недостоверной информации», регистрировать СМИ и определять профессиональные стандарты в журналистике. Для распространения одобренного властями контента в социальных сетях министерство создало «Информационную армию», состоящую из патриотически настроенных волонтеров.

Украинские власти также начали оказывать непосредственное давление на ряд информационных провайдеров. В сентябре 2014 г. Служба безопасности Украины (СБУ) нагрянула с проверкой в редакцию газеты «Вести», заявив, что освещение этой газетой конфликта на Донбассе является посягательством на территориальную целостность Украины. В феврале 2015 года в Украине был арестован блогер по обвинению в государственной измене на основании того, что он разместил в YouTube видеозапись собственного обращения, в котором

он критиковал проводимую правительством военную мобилизацию. В том же месяце украинский Совет по телевидению и радиовещанию обвинил популярного телеведущего Савика Шустера в нарушении закона о «разжигании ненависти» после того, как в своей программе на украинском телевидении этот журналист, имеющий российское гражданство, подверг критике украинские военные действия. Подобные инциденты были далеко не единичными.

Тем временем на контролируемой сепаратистами части Донбасса шли попытки создать аналогичное закрытое информационное пространство. Одним из первых шагов сепаратистов после захвата здания областной государственной администрации в Донецке в апреле 2014 года стало установление контроля над донецким телецентром, чтобы остановить вещание украинских каналов и заменить их российскими. Несколько месяцев спустя в самопровозглашенной Донецкой Народной Республике было создано официальное агентство новостей (ДАН), а региональный медиа-вакуум был быстро заполнен новыми частными СМИ, сочувствующими сепаратистам. Кроме того, власти ДНР с подозрением и опаской относятся ко всем журналистам, кроме ДНРовских и российских; нескольких из них - в т.ч. американского журналиста канала Vice News - задержали по подозрению в шпионаже.

По [информации](#) правозащитной организации Freedom House, за 2014 год в Украине (в т.ч. на территориях, контролируемых сепаратистами), было зарегистрировано 7 убийств, 286 нападений и 78 похищений журналистов, а также множество нападений на редакции СМИ и кибер-атак на их веб-сайты. Вполне естественно, что такая ситуация породила опасения относительно свободы слова. В частности, появилась серьезная обеспокоенность, что две резко противоречащих друг другу картины происходящего, рисуемые СМИ по обе стороны конфликта, лишь [усугублят](#) этот конфликт.

Вооруженный конфликт в мире, где правды больше не существует

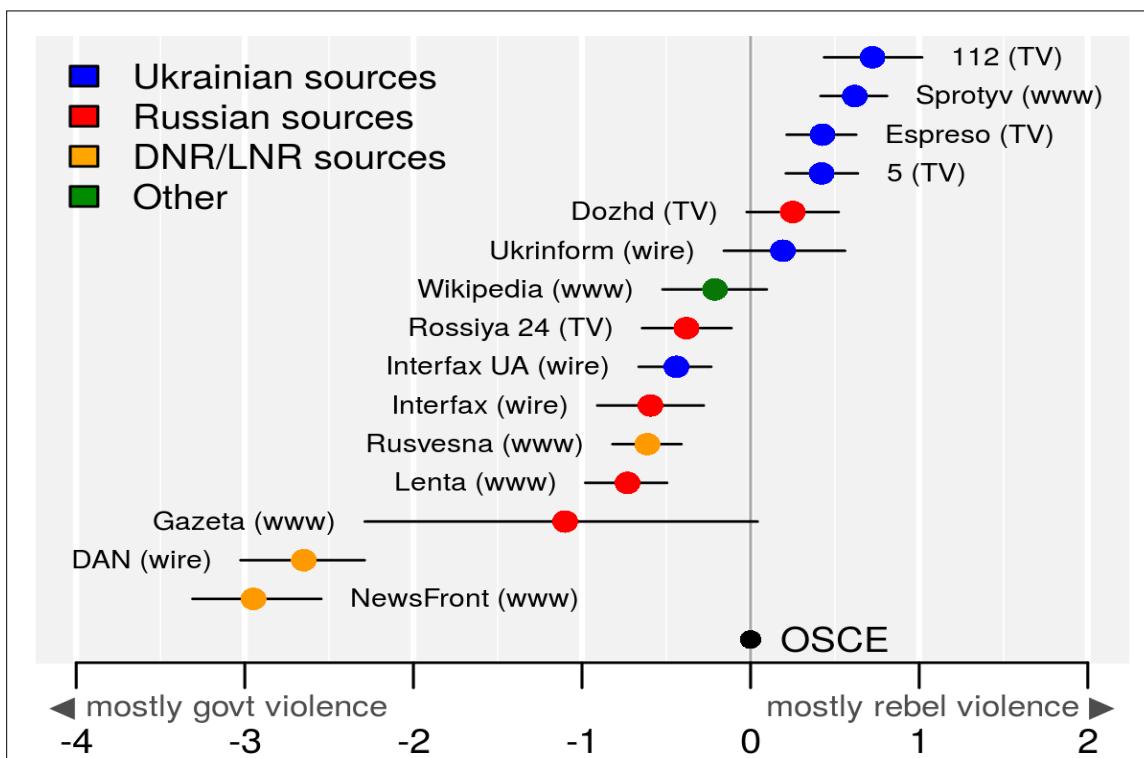
Как повлияли украинские усилия на информационном фронте на общественное восприятие конфликта? Судя по социологическим исследованиям, очень немногие украинцы за пределами Донбасса рассматривают российские государственные СМИ как заслуживающий доверия источник информации. Такое отношение может [указывать](#) как на эффективность украинской контрпропаганды, так и на неэффективность российской. При этом жители удерживаемых сепаратистами территорий аналогичным образом скептически воспринимают украинские [СМИ](#), особенно из-за того, что украинские журналисты, по их мнению, замалчивают случаи гибели мирных жителей от рук украинских военных; Киев всегда отрицает подобные обвинения.

Чтобы оценить показатели необъективности освещения украинского конфликта, мы собрали данные о 72 010 эпизодах насилия, о которых сообщило 17 разных информационных провайдеров, за период с 23 февраля 2014 года по 2 мая 2016 года. В качестве источников информации использовались официальные агентства новостей, телеканалы, веб-сайты и блоги (украинские, российские, внешние, и относящиеся к третьим сторонам). Мы также анализировали информацию из российской Википедии и ежедневные брифинги Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине. С помощью естественной обработки языка и машинного обучения под человеческим наблюдением мы классифицировали каждое событие, относя его к одной из заранее определенных категорий по типу события, его инициатору, цели, тактике и последовавшим человеческим жертвам.

В чем состоит отличие между российскими и украинскими источниками в освещении конфликта на Донбассе? Чтобы ответить на этот вопрос, мы оценивали относительную степень необъективности каждого информационного провайдера в освещении инцидентов с участием сепаратистов и правительственный войск. Для этого мы использовали методику, разработанную экспертами в области американской избирательной политики ([Jackman, 2005](#); [Pickup and Johnston, 2008](#)) для оценки степени предвзятости, присущей отдельным организациям, проводящим социологические исследования и опросы (например, склонности отдельных организаций преувеличивать степень общественной поддержки Дональда Трампа или Хиллари Клинтон в ходе предвыборной кампании).

На Рис.1 показаны оценки показателя необъективности, использующие в качестве стандарта (вертикальная линия, обозначающая нулевую необъективность) сообщения ОБСЕ. Положительные значения показателя указывают на то, что оцениваемый источник больше внимания уделяет случаям применения насилия со стороны сепаратистов, а отрицательные – правительственные силы. Там, где линия на графике, обозначающая диапазон допустимой погрешности вычислений, захватывает ноль, освещение источником насилия со стороны сепаратистов и правительственных войск примерно соответствует освещению со стороны ОБСЕ.

Рис 1. Украинские источники освещают насилие со стороны сепаратистов, а пророссийские источники – со стороны украинских войск

Примечание: Цветные точки обозначают относительный показатель необъективности освещения случаев насилия со стороны сепаратистов или правительственных войск. Линии, посередине которых находятся точки, обозначают 95-процентный доверительный интервал.

Данные показывают значительные и систематические различия в освещении инцидентов насилия между украинскими, сепаратистскими, российскими и международными источниками. В общем и целом, украинские информационные провайдеры (обозначенные синими точками) уделяют больше внимания, чем все остальные источники, насилию со стороны сепаратистов, и меньше операциям украинских правительственные войск. Четыре из пяти источников, которые систематически склонны уделять диспропорциональное внимание атакам сепаратистов – украинские: это военный блог «Информационное сопротивление» и телеканалы *112*, *Эспрессо* и *5-й Канал* (последний принадлежит Президенту Украины Петру Порошенко).²

Большинство же источников, которые больше внимания уделяют инцидентам насилия со стороны правительственные сил, базируются в России (красные точки) или в самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республиках (ДНР/ЛНР, оранжевые точки). При этом наибольшую необъективность показали ДНРовские источники *NewsFront* и *Донецкое Агентство Новостей (ДАН)*; они сообщают почти исключительно о насилии только со стороны украинских вооруженных сил.

Российские источники показали необъективность такой же направленности, что и сепаратистские, но в несколько меньшем масштабе. Практически все они сообщают преимущественно о случаях насилия со стороны украинских сил. Единственное исключение – независимый и оппозиционный телеканал *Дождь*, показатели которого ближе к медианному показателю украинских источников. Единственный украинский источник, для которого обнаружилась сопоставимая по масштабам необъективность в пользу пророссийской стороны – это принадлежащее российским владельцам агентство новостей *Интерфакс-Украина*. Различия между сепаратистскими и украинскими медиа намного более четкие – «самый левый» украинский источник все равно находится на графике правее, чем «самый правый» сепаратистский источник.

Картина по источникам третьих сторон (например, ОБСЕ и Википедии) вырисовывается совершенно другая. Эти источники более «нейтральны» в своем освещении, в том смысле, что они вообще не склонны возлагать ответственность за эпизоды насилия ни на одну из сторон конфликта. Их сообщения написаны более пассивным и расплывчатым языком (например, «сообщается об артиллерийском обстреле возле деревни X») по сравнению с формулировками в местных источниках новостей. В том, что касается ОБСЕ, этот вывод согласуется с отмеченной многими наблюдателями осторожности данной организации в возложении ответственности за насилие на какую-либо из сторон, поскольку ей со всеми этими сторонами необходимо поддерживать рабочие отношения. Что же касается Википедии, то здесь причиной может быть сам принцип работы этого источника, построенный на «краудсорсинге»: многочисленные пользователи сообщают о необъективности наиболее противоречивых фраз, удаляют их со страницы, и в итоге приходят к «нейтральному» компромиссу.

Что же касается украинских и сепаратистских источников, то они не только сообщают преимущественно о случаях насилия со стороны «противоположной» стороны – они еще и сообщают в основном о случаях, в которых страдают (либо могли пострадать) мирные жители

² Выражение «уделять диспропорциональное внимание» подразумевает, что соотношение между атаками правительственные сил и атаками сепаратистов в сообщениях источника отличается от соотношения в сообщениях ОБСЕ.

(например, артиллерийские обстрелы, применение ракет и тяжелой бронетехники, и т.д.). В украинских источниках сообщения о подобных эпизодах составляют 66% от общего числа, а в сепаратистских – 45%. При этом освещение эпизодов насилия со стороны правительственные сил является практически зеркальным отражением этой ситуации: на эпизоды, в которых пострадали или могли пострадать мирные жители, приходится 32% сообщений в украинских источниках, и 57% в сепаратистских. Российские и международные СМИ находятся где-то посередине этого диапазона.

Помимо очевидного стремления источников выставить оппонента в неприглядном свете, такая необъективность имеет серьезные последствия для разрешения конфликта. Мы детально проанализировали освещение в СМИ нарушений договоренностей о прекращении огня после первых и вторых Минских соглашений, а также провели серию моделирований, чтобы определить, какая из сторон, судя по сообщениям каждой группы источников, с большей вероятностью первой начнет стрелять. Как и ожидалось, наибольшие различия обнаружились между украинскими и сепаратистскими источниками. По данным украинских источников, сепаратисты более чем в два раза чаще в одностороннем порядке нарушают договоренности о прекращении огня, чем правительственные войска. По данным сепаратистских источников, правительственные войска нарушают перемирия в 10 раз чаще, чем сепаратисты. Судя по российским и внешним источникам (ОБСЕ, Википедия) нарушения соглашений о прекращении огня происходят довольно редко, и ответственность за это лежит на обеих сторонах конфликта примерно в равной степени.

Такие разные оценки вероятности нарушения договоренностей сторонами конфликта имеют очевидные последствия для разрешения этого конфликта. Если полагаться на сообщения внешних источников – например, ОБСЕ – то потребители новостей и политики могут прийти к выводу о том, что для снижения уровня насилия нет необходимости в санкциях или внешнем вмешательстве. Из этих сообщений складывается впечатление, что со временем насилие естественным образом само идет на спад, и что ни одна из сторон конфликта на одностороннюю эскалацию, скорее всего, не пойдет. В такой ситуации дипломатическое урегулирование вполне может стать устойчивым и долгосрочным. Однако местные источники рисуют совершенно другую картину. Судя по их сообщениям, нарушения договоренностей происходят чаще, а любое дипломатическое урегулирование представляется более шатким. Соответственно, для снижения уровня насилия нужны меры, заставляющие стороны соблюдать договоренности, причем санкции должны быть направлены преимущественно на ту из сторон, которая более склонна к односторонней эскалации. Если верить украинским источникам, то внешнее вмешательство должно быть направлено на сдерживание сепаратистов. По данным сепаратистских источников, сдерживать нужно, наоборот, украинское правительство.

Выводы

Относительная направленность и масштаб необъективности в пользу одной из сторон конфликта в сообщениях из Украины усложняют быстрое разрешение конфликта. В результате такой необъективности внутренняя аудитория по обе стороны (т.е. на контролируемых сепаратистами территориях и в остальной Украине) может стать менее заинтересована в заключении соглашения с противоположной стороной, полагая, что поскольку эта сторона склонна к односторонней эскалации, то и придерживаться достигнутых соглашений она все

равно не станет. Тем временем у внешних аудиторий (т.е. в России и на Западе) сформируются противоположные представления о том, насколько сложно будет разрешить украинский конфликт, насколько необходимы санкции или вмешательство третьих сторон, следует ли оказывать давление преимущественно на одну из враждующих сторон, и если да, то на какую из них.

Бороться с необъективностью, конечно, задача не из легких. В отсутствие надежной информации о том, на какой из сторон лежит ответственность за очередной эпизод насилия, лидерам и активистам, заинтересованным в разрешении конфликта, нужно постараться лучше информировать журналистов о подробностях каждого конкретного инцидента. Там, где достоверная информация об ответственной стороне имеется, правительствам и неправительственным организациям нужно стремиться расширять доступ аудиторий к множественным источникам информации.

В настоящее время США адаптируются ко все более резкой поляризации своих СМИ, с нарастающим уровнем неопределенности и борьбы противоположных версий событий. Урок, который американцы могут извлечь из украинской информационной войны, заключается в следующем: если с пропагандой бороться с помощью контрпропаганды, ближе к истине мы, скорее всего, не станем.

Elliott School of
International Affairs
THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#). Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org